

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-27-41

П.А. ГончаровМичуринский государственный аграрный университет,
393760 г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация

«Россия – Сфинкс»: А.А. Блок после «Двенадцати»

Аннотация. Целью исследования является новое осмысление стихотворного («Скифы», «З. Гиппиус», «Пушкинскому дому») и прозаического («Катилина», «Последние дни императорской власти») творчества А.А. Блока 1918–1921 гг., образа России в ряду событий биографии поэта, его произведений 1910-х гг. в литературном контексте произведений и суждений других авторов этого времени. В качестве основных методов исследования используются сравнительно-типологический, структурно-поэтический, мифопоэтический и биографический способы интерпретации литературных произведений, позволяющие уточнить эволюцию взглядов поэта на события русской революции, истоки и причины динамики образа России. Отмечается, что в своих прозаических произведениях Блок пытается осмыслить русский большевизм не как систему политических взглядов, а как совокупность этических принципов и свойств характера революционера из самых разных исторических эпох. В этом смысле римлянин Катилина, стремящийся любой ценой захватить власть, оказывается прямым предшественником русских революционеров начала XX в. Ближайшее окружение и оппоненты императора в документально-публицистической книге «Последние дни императорской власти» изображаются подобными «коллективному Катилине», в своем стремлении захватить власть забывающими о начавшейся катастрофе России. В статье устанавливаются сходство и различия образа России в поэме «Двенадцать», стихотворениях «Скифы», «Пушкинскому дому». Для Блока Россия во всех произведениях является объектом любви и преклонения, предметом историко-софских размышлений о ее настоящем и будущем. Загадочность, таинственность образа усиливается у Блока благодаря отождествлению России с древним Сфинксом. Путем анализа и обобщения произведений поэта установлено, что их ведущей темой является тема судьбы России, осмысленной в контексте мифопоэтических образов, актуальных общественных идей. Стихотворное и прозаическое творчество А.А. Блока 1918–1921 гг. продолжило характерные для него поиски ответа на вопрос о судьбе России и ее загадке, о ее вольных и невольных погубителях и надеждах, о ее прошлых, современных и будущих ликах.

Ключевые слова: А.А. Блок, «Скифы», «Пушкинскому дому», «Катилина», «Последние дни императорской власти», образ России в поэзии XX века, эволюция восприятия Блоком революции в России, концепция евразийства в литературе

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Гончаров П.А. «Россия – Сфинкс»: А.А. Блок после «Двенадцати» // Литература в школе. 2023. № 1. С. 27–41. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-27-41

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-27-41

P.A. Goncharov

Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Tambov region, 393760, Russian Federation

“Russia is a Sphinx”: A.A. Blok after “The Twelve”

Abstract. The purpose of the study is a new understanding of the poetic (“Scythians”, “Z. Gippius”, “Pushkin House”) and prose (“Katilina”, “The Last Days of Imperial Power”) oeuvre of A.A. Blok of 1918–1921, the image of Russia in the series of events in the poet’s biography, his works of the 1910s, in the literary context of the works and judgments of other authors of that time. As the main methods of research, the comparative-typological, structural-poetic, mythopoetic and biographical methods of interpreting literary works are used, which make it possible to clarify the evolution of the poet’s views on the events of the Russian Revolution, the origins and causes of the dynamics of the image of Russia. It is noted that Blok in his prose works tries to comprehend Russian Bolshevism not as a system of political views but as a set of ethical principles and character traits of a revolutionary from various historical eras. In this sense, the Roman Catiline, striving to seize power at any cost, turns out to be a direct predecessor of the Russian revolutionaries of the early twentieth century. The inner circle and opponents of the emperor in the documentary-journalistic book “The Last Days of Imperial Power” are portrayed as similar to the “collective Catiline”; in their desire to seize power, they forget about the catastrophe that has begun in Russia. The article establishes the similarities and differences in the image of Russia in the poem “The Twelve”, the poems “Scythians”, “Pushkin House”. For Blok, Russia in all his works is an object of love and admiration, the subject of historiosophical reflections on her present and future. The enigma, the mystery of the image is enhanced by Blok due to the identification of Russia with the ancient Sphinx. By analyzing and summarizing the works of the poet, it has been established that their leading theme is the theme of the fate of Russia, comprehended in the context of mythological and poetic images, relevant social ideas. The poetic and prosaic creativity of A.A. Blok of 1918–1921 continued his characteristic search for an answer to the question about the fate of Russia and its mystery, about its willful and involuntary destroyers and hopes, about its past, present and future faces.

Key words: A.A. Blok, "Scythians", "Pushkin House", "Katilina", "The Last Days of Imperial Power", the image of Russia in the XXth century poetry, evolution of Blok's perception of the Russian Revolution, the concept of Eurasianism in literature

CITATION: Goncharov P.A. "Russia is a Sphinx": A.A. Blok after "The Twelve". *Literature at School*. 2023. No. 1. Pp. 27–41. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-27-41

Рассуждая о творчестве А.А. Блока как об одной из мифопоэтических основ петербургского текста, В.Н. Топоров замечает: «Он знал две гармонии – ясную, светлую, примиряющую аполлиническую и туманную, темную, возбуждающую дионисийскую» [15, с. 132]. А далее уточняет о «борении» этих двух начал: «В этом борении прошли мучительные и изнуряющие последние три с половиной года жизни поэта» [Там же, с. 135]. «Три с половиной года» – это время от завершения поэмы «Двенадцать» до смерти Блока. Биографы и литературоведы единодушны в том, что в этот период поэт пишет крайне мало. Об угасании творческих сил поэта в этот период писал близко его знавший К. Чуковский [17], о том, что после «Двенадцати» и «Скифов» Блок «как поэт» замолчал, пишет и В.А. Сарычев [12, с. 304].

Но это только побуждает с возможным тщанием рассмотреть написанное Блоком в это время. Среди созданного поэтом в этот период – три стихотворения: «Скифы», «З. Гиппиус» («Женщина, безумная гордячка»), «Пушкинскому дому»; наброски ко второй и третьей главам поэмы «Возмездие», историко-публицистический очерк «Катилина», несколько литературно-публицистических статей, документально-публицистическая книга «Последние дни императорской власти».

И.А. Бунин в «Окаянных днях» резко и безапелляционно писал о настроениях интеллигенции в начале 1918 г.: «Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, – кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит:

– Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет...

Бодро с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше» [4, с. 243].

О Блоке Бунин отзывался чуть далее и вовсе оскорбительно: «Блок открыто присоединился к большевикам. Напечатал статью, которой восхищается Коган. Я еще не читал, но предположительно рассказал ее содержание Эренбургу – и оказалось, очень верно. Песенка-то вообще не хитрая, а Блок человек глупый» [Там же, с. 245]. Обращает на себя внимание, что характеристику «глупый» Бунин относит и к самому себе.

«Двенадцать», другие стихотворения, статьи и выступления, воспринятые и истолкованные в качестве гимна революции, стали основанием для инвектив в адрес поэта не только со стороны Бунина. З.Н. Гиппиус оказалась в числе тех, кто осудил «общественно» позицию Блока. Ее оценки стали поводом для парирующих

сравнений Блока в стихотворении-послании «З. Гиппиус» («Женщина, безумная горячка») (1918):

Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!

[1, т. 2, с. 255]

Напитанные ядом «стрелы» пушкинского «Анчара» трансформируются Блоком в образ созвучный, но заключающий в себе мотив добровольного приятия смерти:

Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

[Там же]

Поцеловать «лезвее» напоенного ядом кинжала в данном контексте означает благословение в адрес руки, поднявшей кинжал, благословение казни, собственной гибели. В воспоминаниях «Мой лунный друг» (1923) З.Н. Гиппиус так описывает свою случайную встречу с Блоком, уже передавшим ей свое цитированное выше послание:

«Трамвай наполняется, на Сенной уже стоят в проходах. Первый, кто вошел и стал в проходе, как раз около меня, вдруг говорит:

– Здравствуйте.

Этот голос ни с чьим не смешаешь. Подымаю глаза. Блок. Лицо под фуражкой какой-то (именно фуражка была – не шляпа) длинное, сохлое, желтое, темное.

– Подадите ли вы мне руку?

Медленные слова, так же с усилением произносимые, такие же тяжелые. Я протягиваю ему руку и говорю:

– Лично – да. Только лично. Не общественно.

Он целует руку. И, помолчав:

– Благодарю вас.

Еще помолчав:

– Вы, говорят, уезжаете?

– Что ж... Тут или умирать – или уезжать. Если, конечно, не быть в вашем положении...

Он молчит долго, потом произносит особенно мрачно и отчетливо:

– Умереть во всяком положении можно.

Прибавляет вдруг:

– Я ведь вас очень люблю...

– Вы знаете, что и я вас люблю» [5].

Гиппиус открывает и завершает свои воспоминания цитатой из Блока и характерным комментарием к ней, актуальным в равной мере и для 1923 г., и для нашего времени:

«Довольно сказать здесь, что страданием великим и смертью он искупил не только всякую свою вольную и невольную вину, но, может быть, отчасти позор и грех России.

... И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье...
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да внидут в царствие Твое!

Радость в том, что он сумел стать одним из этих достойных. И в том радость, что он навеки наш, что мы, сегодняшние, и Россия будущая, воскресшая, – может неомраченно любить его, живого» [Там же].

Заметим здесь, что имеются авторитетные свидетельства изначальной неоднозначности взглядов Блока на новую Россию, на русскую революцию. Среди них наиболее известными являются увидевшие свет в 1921 г. воспоминания В.В. Маяковского: «Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: “Нравится?” – “Хорошо”, – сказал

Блок, а потом прибавил: “У меня в деревне библиотеку сожгли”.

Вот это “хорошо” и это “библиотеку сожгли” было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме “Двенадцать”. Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие – славу ей.

Поэмой зачитывались белые, забыв, что “хорошо”, поэмой зачитывались красные, забыв проклятие тому, что “библиотека сгорела”. Символисту надо было разобраться, какое из этих ощущений сильнее в нем. Славить ли это “хорошо” или стенать над пожарищем, – Блок в своей поэзии не выбрал» [9, с. 148–149]. Но не менее весомые доказательства поспешности суждений И.А. Бунина, доказательства того, что А.А. Блок в течение 1917–1921 гг. претерпел значительную эволюцию в осмыслении происходивших в это время событий, заключены, прежде всего, в творчестве поэта.

Вскоре после поэмы «Двенадцать» Блок пишет стихотворение «Скифы» (30 января 1918 г.), где восприятие революции как некоей неоднозначной стихии, «вьюги», вытесняется мотивом братского пира «труда и мира» – в этом образе отразились позитивно воспринятые поэтом политические реалии, связанные с декретами новой власти о земле, о мире, с предпринятыми правительством большевиков мирными переговорами с Германией. Что касается последней акции, то следует заметить, что именно неуспех начавшихся в ноябре 1917 г. переговоров с Германией в Брест-Литовске, претензии Германии на обширные западные территории России, отказ стран Антанты от участия в переговорах, очевидно, и стали поводом для гневного пафоса блоковской поэмы.

События в России в поэме «Скифы» ставятся Блоком в контекст мировой истории и геополитики. Но на смену образу России, олицетворенной в поэме «Двенадцать» в нечаянно застреленной красногвардейцами Катюке [6], в «Скифах» приходит образ с энигматическим звучанием:

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

[1, т. 2, с. 253]

Ненависть-любовь между новой Россией и «старым миром», «Европой» представляет собой качественно новое, в сравнении с предшествующим творчеством, осмысление поэтом характера отношений между этими мирами. Еще совсем недавно в стихотворении «Новая Америка» (1913) Россия мыслилась поэтом как новый «новый свет», новый, но не противопоставленный ни «Европе», ни Америке мир:

Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

[Там же, с. 200]

В «Скифах» звучит призыв к братству, которого, в силу коварства «Европы», нет, доминируют укор и гнев в адрес вероломства «старого мира», забывшего о настоящей любви:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

[Там же, с. 254]

Трагическую альтернативу любви, братского пира «труда и мира» Блок видит в столкновении сплоченного идеей панмонголизма Востока («монголов») и враждебной ему «Европы». Расовое высокомерие «старого мира» вызывает у поэта стремление идентифицировать себя с «азиатами»:

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

<...>

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

[1, т. 2, с. 254]

Угроза от имени России перестать быть щитом «меж двух враждебных рас», в футурологическом прогнозе Блока, чревата гибелью «Европы», всего «старого мира». Такое апокалиптическое геополитическое развитие настоящего и будущего, по мысли Блока, восходящей к идеям В. Соловьева, возможно при условии пренебрежения новой Россией со стороны «старого мира», «старого света», так именовали некогда Европу. Достаточно подробное и основательное истолкование историософских источников образности «Скифов» приводится в одной из работ Б. Межуева. Следует, однако, заметить некоторый субъективизм оценок этого уважаемого философа. Так, Б. Межуев в числе прочего заявляет: «Блок, как известно, не любил “Скифов”. Он видел в этом стихотворении политический манифест, а не продукт подлинного творческого вдохновения. Оно казалось ему, по-видимому, слишком декларативным, слишком рациональным» [8]. Но «любовь» или «нелюбовь» поэта к своему произведению не может быть аргументом в научной

интерпретации литературного феномена. Уязвимость же цитированного утверждения оборотом «по-видимому» не снимается, а усугубляется.

В продолжение этой темы необходимо отметить, что в стихотворениях Блока о России, в поэме «Скифы» рождаются и высказываются идеи, которые в трансформированном виде являются историософской основой «скифства» в творчестве Андрея Белого, Н. Клюева, С. Есенина, затем и евразийства – направления идей, развитых Л. Карсавиным, Н. Трубецким, П. Савицким. Отзвуки скифства и евразийства имеют место в мотивах и образах произведений Е. Замятина, Л. Гумилева. Комплекс идей современного неоевразийства, отстаивающего концепцию особой евразийской цивилизации, обнаруживает, по мнению исследователей, значительное созвучие с идеями и мотивами «Скифов», с наследием «евразийцев» [3].

Работа Блока над книгой «Последние дни императорской власти» заняла время с августа 1917 по июнь 1921 г. [10]. Вместо отчета о результатах деятельности «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств» (далее – Комиссия), учрежденной Временным Правительством в марте 1917 г., А.А. Блок, в чьи обязанности входило *редактирование* отчета о деятельности Комиссии, пишет оригинальный, самостоятельный текст, названный им «Последние дни императорской власти» (1919–1921). Что это? – Случайность? – Вряд ли. Скорее, это даже не следствие падения в октябре 1917 г. правительства,

учредившего эту Комиссию, но результат изменения восприятия революции (от романтизации к ее аналитическому осмыслению), попытка поэта выразить сложившийся к этому времени взгляд на разразившуюся катастрофу. Историю работы над текстом, убедительные суждения о сложном жанре этой книги Блока находим в работе О.А. Кузнецовой. Свое исследование она завершает следующим выводом: «...перед Блоком стояла непростая задача – облечь документальный материал живого, еще не завершившегося исторического процесса в соответствующую жанровую форму. Ему удалось создать сложное полифоническое полотно, где звучат голоса участников и свидетелей последних дней императорской власти» [7, с. 108].

Заметим здесь, что нашей целью не является сопоставление «Последних дней императорской власти» со стенограммами допросов царских министров и поиск «ошибок» и неточностей, допущенных Блоком [13, с. 68–81]. Как нам представляется, книга Блока является, прежде всего, *литературным произведением* в жанре документально-публицистического очерка, а не выборкой документов, составленной одним из членов Комиссии. Более важной видится задача найти в непростой структуре «Последних дней...» элементы, позволяющие судить об эволюции восприятия Блоком «многопенного вала» революции в России.

Главное доказательство изменений отношения Блока к происходящим в России революционным событиям заключено в *композиции* «Последних дней императорской власти». Своеобразный «ключ» к истолкованию этого текста дает сам поэт

в историко-публицистическом очерке «Катилина» (1918). Здесь Блок пишет, что «...собственное соображение и собственная группировка фактов <...> доступны очень немногим филологам» [1, т. 4, с. 266]. Судя по контексту, себя поэт, окончивший славяно-русское отделение филологического факультета столичного университета, относит к «немногим». Возможность отнесения этого «соображения» к тексту «Последних дней императорской власти» следует из полного названия очерка «Катилина». Блок в скобках дает ему подзаголовок «Страница из истории мировой Революции». Более того, в «Предисловии к лекции о Катилине, читанной в школе журнализма» в мае 1918 г. Блок заявляет: «Я напому вам сегодня страницу из истории римской революции, а именно: трагедию римского большевизма накануне рождества Христова. “Римский большевизм” – определение очень точное, если подразумевать под этим словом, разумеется, стихию большевизма, а не фракцию социал-демократической партии» [2, с. 452]. Как видим, «римский большевизм» для Блока является не системой политических идей, но совокупностью нравственных и волевых свойств, характерных для Катилины. Известный римский заговорщик Луций Катилина, склонный к политическим авантюрам, именуется и представляется в очерке «большевиком», «революционером», не знающим меры в стремлении к власти.

Своеобразным русским Катилиной, революционером, «большевиком» предстает в «Последних днях...», прежде всего, «второе лицо империи» – М.В. Родзянко. Значительная часть текста этого произведения посвящена

прямо или косвенно отношениям последнего российского императора с председателем Государственной Думы России третьего и четвертого созывов. В его самопредставлении юному наследнику престола – «самый большой и толстый человек в России» [11], видимо, имела место не только самоирония, но и вполне серьезная и прозрачная политическая аллюзия.

Материалы Комиссии, опубликованные в середине 1920-х гг., насчитывают несколько томов [14]. В сравнении с ними блоковская работа выглядит предельно лаконичной, поэтому, следуя заявленному Блоком принципу, стоит обратить особое внимание на отбор и «группировку фактов», произведенную автором книги.

В самом начале «Последних дней...» Блок указывает на источник «болезни» (так он называет время, предшествующее революции, и время отстранения императора от власти): «Главный толчок к развитию болезни дала война; она уже третий год расшатывала государственный организм, обнаруживая всю его ветхость и лишая его последних творческих сил. Осенний призыв 1916 года захватил тринадцатый миллион землепашцев, ремесленников и всех прочих техников своего дела; непосредственным следствием этого был – паралич главных артерий, питающих страну; для борьбы с наступившим кризисом неразрывно связанных между собою продовольствия и транспорта требовались исключительные люди и исключительные способности; между тем, власть, раздираемая различными влияниями и лишённая воли, сама пришла к бездействию; в ней, по словам одного из ее представителей; не было уже ни одного „боевого атома“» [1, т. 5, с. 282–283].

Блок в своей «книжке» (так он именует «Последние дни императорской власти»), констатируя слабость сил, противостоящих «болезни» «государственного организма», называет разворачивающиеся события «катастрофой»: «Среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе. Среди них были и люди высокой честности, как, например, министр народного просвещения граф Игнатъев, много раз просившийся в отставку и смененный Кульчицким лишь за два месяца до переворота, или министр иностранных дел Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внешней политикой при существующем курсе политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу» [Там же, с. 289].

В силу личных качеств и сложившихся обстоятельств, по мнению Блока, начавшейся катастрофе был не в состоянии противостоять и император: «...изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже “сам себе не хозяин”. Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти» [Там же, с. 283]. Представляется важным, что Блок в этом случае и далее в тексте книги не дает негативных *политических* характеристик императору. Сугубо бытовые эпитеты-характеристики («задерганный», «осторожный», «изверившийся» и т.п.), поставленные в самом начале блоковской книги, не передают и не исчерпывают всей

сложности отношения Блока к поверженному монарху, к его окружению, к ситуации в целом. Это становится ясным и при соотнесении запевных и конечных эпизодов книги, обрамляющих и скрепляющих ее именно такой «группировкой фактов». Заметим также, что приведенная выше характеристика императора означает помимо прочего, что ответственность за происходящие события и решения делят с царствующим последние дни Николаем те, кого он «сам поставил у власти».

В.М. Родзянко – «второе лицо в империи» – без сомнений принадлежал к их числу. Сам он следующим образом повествует о себе, свергнутом императоре и намерениях «Чрезвычайной следственной комиссии...»: «...был вызван для дачи показания в верховную комиссию, которая хотела во что бы то ни стало найти криминал в действиях бывшего царя. Я говорил в течение пяти часов подряд, показывая, что криминала в действиях царя не было, а была только неправильная и путаная политика, пагубная для страны, но отнюдь не преднамеренное желание вреда стране» [11]. Здесь стоит заметить, что у Комиссии была не только обозначенная Родзянко цель, но (и главным образом) задача найти «криминал» в действиях правительства (см. полное название Комиссии) и приближенных к нему высокопоставленных лиц. «Высокопоставленность» председателя Думы подтверждается помимо прочего и тем, что в отсутствие государя он «держал себя», по приведенному самим Родзянко свидетельству министра Маклакова, «как бы глава российского государства» [Там же].

В изображении Блока, по трагическому стечению обстоятельств,

многие из лиц, бывших в то время у власти, сами были пропитаны революционными идеями. Поэт в «Последних днях...» создает образ «коллективного Катилины», ликами которого в разной степени оказываются В. Родзянко, А. Гучков, Гр. Распутин, А. Протопопов и некоторые другие персоны из окружения императора. Блок, чтобы высказать эту мысль, отдает слово одному из царских министров: «Протопопов развивал здесь свою „необыкновенную теорию политических течений в России“ <...>. Теория, по словам Н.Н. Покровского заключалась в том, что революционное течение (анархизм и социализм) постепенно втекает в оппозиционное (общественные элементы с Государственной Думой во главе); таким образом, оппозиционное течение совпадает с революционным и стремится захватить власть» [1, т. 5, с. 289]. Стремление не поддержать, а захватить выпадающую из рук императора власть оказывается свойственным и для монархистов (сторонников великого князя Михаила Александровича), и для думских либеральных оппозиционеров, опасавшихся, что вместе с падением монархии падет и их немалая власть. Блок целенаправленно прибегает в «Последних днях...» к такой «группировке фактов», которая обнаруживает страхи М.В. Родзянко перед надвигающейся революцией: «“Ваше величество, сказал Родзянко, я ухожу в полном убеждении, что это мой последний доклад вам”. – “Почему?” – “Я полтора часа вам докладываю и по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу, я уже тогда не председатель, и к вам больше не приеду. Что еще хуже, я вас предупреждаю,

я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать» [1, т. 5, с. 310].

Последний «всепопданнейший доклад» М.В. Родзянко вряд ли случайно оказывается своеобразной кульминацией обеих книг – и «Последних дней» Блока, и книги «Крушение империи» бывшего председателя Государственной Думы России. В последней имеет место аналогичный эпизод, датированный 10 февраля 1917 г.:

«– Я считаю своим долгом, государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний.

– Почему? – спросил царь.

– Потому что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего хорошего... Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, по-видимому, не будет. Вы, ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-старому. Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился» [11]. Здесь обращают на себя внимание не только текстуальные совпадения и различия (в качестве источника Блок использует в своей книге материалы допросов упомянутой выше Комиссии), но в не меньшей степени «попечение» М. Родзянко о судьбе Думы, с деятельностью которой он связывает будущее свое и России. Катастрофичность для России грядущих событий, очевидная для Блока, высокими собеседниками не осознается. Приближающуюся катастрофу

России Родзянко воспринимает как дворцовый «переворот» и не считает необходимым менять свою точку зрения спустя годы после погружения страны в пучину «многопенного вала». Подозревавшим лидера Думы в сочувствии к революционерам-заговорщикам («многие <...> были <...> убеждены, что я подготавливаю переворот») Родзянко, по его признанию, увидевшему свет после смерти бывшего председателя Думы, заявлял: «Я ни на какую авантюру не пойду как по убеждению, так, и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против царя – у меня нет ни охоты, ни возможности» [Там же]. Трудно определить, что преобладает в этом заявлении: нежелание отличать дворцовый переворот от революции или желание снять с себя ответственность за уже состоявшееся «крушение империи». Как и трудно понять, почему и случайно ли «многие» видели в Родзянко заговорщика. Однако вопросительные интонации не являются, в отличие от «Последних дней императорской власти», свойством мемуаров М.В. Родзянко.

В изображении Блока, хотя «редактор» Комиссии и стремится к полной политической объективности, выразительным представляется и еще одно лицо, составляющее образ «коллективного Катилины», – А.И. Гучков, полный ненависти к императору, ненависти, затмевающей в нем иные человеческие чувства. Блок в своей книге не дает явной оценки Гучкову, как и многим другим «персонажам», но приводит детали («группирует факты»), которые сами говорят за себя или вынуждают к рефлексии.

К находящемуся в ситуации трагического выбора между отречением от трона и отлучением от сына Николаю является Гучков, одержимый одной мыслью: во что бы то ни стало, срочно получить письменное отречение императора. «Гучков, предупредив, что он остается в Пскове час или полтора, просил сейчас же составить акт об отречении, так как завтра он должен быть в Петербурге с актом в руках» [1, т. 5, с. 355]. Блок побуждает задуматься о том, что преобладает в этом нетерпении («час или полтора», «сейчас же») А.И. Гучкова: заинтересованность в судьбе России или торжествующая месть и желание как можно скорее по-своему устроить новую власть в России и себя в этой власти.

Стремящийся к объективности «редактор» Комиссии при воспроизведении позиции Гучкова в момент отречения на минуту забывает о беспристрастности: «Гучков, которому все предшествовавшие события не были известны, поразился тем, что отречение далось так легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатление своей обыденностью, и ему пришло в голову, что он имеет дело с человеком ненормальным, с пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлению Гучкова, был совершенно лишен трагического понимания события: при самом железном самообладании можно было не выдержать, но голос у царя как будто дрогнул только когда он говорил о разлуке с сыном» [Там же]. «Пришло в голову», «по впечатлению Гучкова» – эти выражения свидетельствуют о желании Блока дистанцироваться от отрицательных характеристик поведения Николая в момент отречения.

В целом «Последние дни императорской власти» свидетельствовали о крушении монархии как продолжении и завершении усилий «коллективного Катилины», о крушении монархии как начале крушения России. Это доказывает и финал книги. В нем Блок приводит (в этом видится явный умысел филолога Блока по «группировке фактов») телеграмму «командира одного из конных корпусов», обращенную к обреченному Николаю: «Ваше Величество, простите нас, если мы прибегаем с горячей мольбой к нашему Богом данному нам Царю, не покидайте нас, Ваше Величество, не отнимайте у нас законного наследника престола русского. Только с Вами во главе возможно то единение русского народа, о котором Ваше Величество изволите писать в манифесте. Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья» [Там же, с. 358]. Этой телеграммой, по сути, завершается блоковская книга, далее следует обобщающая информативная фраза: «8 марта бывший император выехал из Ставки и был заключен в царско-сельском Александровском дворце» [Там же].

Как известно, заголовочный комплекс литературного произведения является одним из его «сильных мест». Но, как представляется, Блок совершенно не случайно *завершает* свою книгу *мольбой* «командира одного из конных корпусов», мольбой, оставшейся без ответа. Эту «мольбу» можно истолковать как исторический и политический казус – единственный голос «за» царя теряется, становится неслышным во всероссийском «вале» голосов «против». «Мольба»

в контексте блоковской книги может заключать в себе и вопрос историко-софского плана: способна ли воля одного человека удержать страну от разрушения, катастрофы? Даже если он не «командир конного корпуса», но сам император?

Отношение руководителей большевистского правительства к поэту тоже является косвенным доказательством эволюции взглядов Блока на происходящие в России события. Видимо, опубликованные в разгар гражданской войны блоковские «Последние дни старого режима» (первоначальное название книги), не содержащие политических обличений и обвинений в адрес недавно свергнутого и расстрелянного монарха, способствовали подозрениям в нелояльности Блока. До конца июля 1921 г. тяжело больному и изнуренному голодом поэту не давали разрешения на выезд для лечения в Финляндию. Судьба Блока рассматривалась 12 июля на Политбюро ЦК. Ходатайства М. Горького, А.В. Луначарского не поколебали позицию ВЧК. В.Р. Менжинский так ответил на одно из таких ходатайств: «Уважаемый товарищ! За Бальмонта ручался не только Луначарский, но и Бухарин. Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории. С коммунистическим приветом В. Менжинский» [16].

Свидетельством зашедших в тупик отношений между новой властью и Блоком стала и позиция самого поэта: после его собственных и М. Горького безуспешных попы-

ток получить разрешение у автора «Последних дней...» вполне объяснимо рождается нежелание просить дальше; в этом нам видится проявление обиды, разочарования со стороны поэта.

В одно время с работой над книгой «Последние дни императорской власти» Блок пишет стихотворение «Пушкинскому дому» (1921, 5 февраля), содержащее в себе явные мотивы прощания:

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

[1, т. 2, с. 262]

Причем прощание с Пушкинским домом, с Пушкиным в контексте биографии поэта закономерно ассоциируется с прощанием поэта с Петроградом, с Россией, с жизнью. Светлая радость по поводу унаследованной от Пушкина и сберегаемой в поэзии «тайной свободы» соседствует в стихотворении с образом Сфинкса:

Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

[Там же, с. 261]

«Пушкинский дом», «всадник бронзовый», «Нева», «площадь Сената» – это знаковые детали не только биографии самого поэта, северной столицы, но и всей России. Элегическая интонация соседствует в стихотворении с тревожной таинственностью символической «ночной тьмы» и «непогоды».

«Ночь» из стихотворения 1921 г. по своей символике является вольной или невольной отсылкой к «ночной и зарубежной» «мгле», «тьме»

блоковской образности, в том числе – к его стихотворению «Пушкинскому дому».

Постоянство основного значения символа у Блока не отрицает рождения новых дополнительных значений. Так обстоит дело с образом «древнего Сфинкса», еще совсем недавно в стихотворении «Скифы» олицетворявшего всю Россию в ее смертельном противостоянии «старому миру»:

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

[1, т. 2, с. 254]

Уравновешенность чувств, характерная для стихотворения «Пушкинскому дому», не отменяет грозящих «ужасов войны» и призывов к миру «варварской лиры», не делает неактуальным уподобление России Сфинксу:

Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне.

[Там же, с. 261]

Но Сфинкс, перемещенный в петроградские локусы (Нева, ледоход, пароходы, Сенатская площадь, Пушкинский дом), провожающий взглядом «медлительную» невскую волну, в сравнении со Сфинксом поэмы «Скифы» приобретает черты умиротворенности, «домашности», «русскости», сохраняя древнюю загадочность.

Лексика и фразеология революционной уличной вольницы, господствовавшая в «Двенадцати» («барыня», «Катка-дура», «толстоморденькая», «цигарка», «брюхо», «кабак», «загонят в гроб» и т.п.), публицистическая геополитическая лозунговость «Скифов» («враждебные

расы», «пушек жерла», «старый мир», «галльский смысл», «германский гений», «ужасы войны», «мирные объятия», «товарищи» и т.п.) в последнем блоковском стихотворении уступают место привычным пейзажным «звонам ледохода», «перекличкам пароходов», «медлительным волнам», «родному для сердца звуку». В стихотворении «Пушкинскому дому» эти и другие перечисленные мотивы, образы тихой печали и умиротворения уравнивают «дни гнетущие», «грядущие века», «немую борьбу», «пламенные дали» и подобные им, отражающие катастрофическую дисгармонию эпохи. В.Н. Топоров так объяснял эту ситуацию: «...аполлиническое в Блоке, “упорядочивающее”, организующее, гармонизирующее на уровне быта и поведения, – своего рода попытка противостояния темному, хтоническому, дионисийскому, стремление ограничить его, удержать в известных пределах, тяга к светлому и высокому, обращение к небесной, божественной гармонии как спасению от ужаса бездны, который всегда был близок поэту и от которого он искал защиты» [15, с. 133].

Частушечно-романсовый ритм «Двенадцати», гневливо «ломаный» стих «Скифов» в стихотворении «Пушкинскому дому» сменяются ритмом утраченного пушкинского века. Равный фразе катрен, избегающий переносов и инверсий. Четырехстопный хорей с пиррихиями соотносится не только с «хореическим» «*имя пушкинского дома*», с интонацией прощания, но отсылает к «родной для сердца» поэта эпохе доминирования гармонии ритма, слова и мысли, к «золотому веку» русской литературы с его силлабо-тонической системой стихосложения.

Таким образом, стихотворное и прозаическое творчество А.А. Блока в период после создания им поэмы «Двенадцать» продолжило характерные для него поиски ответа на вопрос о судьбе России и ее загадке, о ее вольных и невольных погубителях и надеждах, о ее прошлых, современных и будущих ликах. Небольшой объем

написанного в это время компенсирует значительность проблематики, оригинальность историософского подхода к актуальным и вечным темам. Идеи и мотивы, художественные образы этого периода творчества поэта нашли свое продолжение в общественной мысли и литературе последующих десятилетий.

Библиографический список

1. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1980–1983.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. М., 1962.
3. Болдин В.А. «Скифы»: старые и новые (к выходу в свет переиздания литературно-политического сборника «Скифы», 1917–1918, рецензия) // История. 2020. Вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008859-3-1/> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана. М., 1990.
5. Гиппиус З.Н. Мой лунный друг. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/gippius-moj-lunnyj-drug.htm> (дата обращения: 05.12.2022).
6. Гончаров П.А. «Но страшно мне: изменишь облик Ты»: мотив подмены в поэме А.А. Блока «Двенадцать» // Литература в школе. 2022. № 4. С. 48–59.
7. Кузнецова О.А. «Последние дни императорской власти» А.А. Блока: жанровая природа и авторское начало // Русская литература. 2020. № 4. С. 100–108.
8. Межуев Б. Забытый спор: о некоторых возможных источниках «Скифов» Блока. URL: <https://archipelag.ru/authors/mezhuev/?library=1919> (дата обращения: 02.12.2022).
9. Маяковский В.В. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. М., 1978.
10. Новиков В.И. Александр Блок. М., 2010. URL: https://bookscafe.net/read/novikov_vladimir-aleksandr_blok-209109.html#p2 (дата обращения: 01.12.2022).
11. Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. URL: <https://litbit.ru/ru/rodyankomikhail/krushenie-imperii> (дата обращения: 02.12.2022).
12. Сарычев В.А. Александр Блок: Творчество жизни. Воронеж, 2004.
13. Спивак М.Л. Сбежавший прокурор, пропавшая княгиня и дерзая фрейлина: об ошибках в «Последних днях императорской власти» и записях А.А. Блока 1917 года // Русская литература. 2017. № 3. С. 68–81.
14. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. М.; Л., 1924–1927.
15. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.
16. Чугунова Е. Как Горький спасал Блока: Неопубликованное письмо жене поэта // Русская жизнь. 2008. № 4 (февраль). URL: <http://rulife.ru/old/mode/article/569/?ysclid=ld77r2dk9k713543495> (дата обращения: 02.12.2022).
17. Чуковский К.И. Александр Блок. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/aleksandr-blok> (дата обращения: 02.12.2022).

References

1. Blok A.A. Sbranie sochinenii: v 6 t. [Collected works: In 6 vols.]. Leningrad, 1980–1983.
2. Blok A.A. Sbranie sochinenii: v 8 t. [Collected works: In 8 vols.]. Vol. 6. Moscow, 1962.
3. Boldin V.A. “Scythians”: Old and new (to the publication of the reissue of the literary and political collection “Scythians”, 1917–1918, review). *Istoriya*. 2020. No. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008859-3-1/> (In Rus.).
4. Bunin I.A. Lish slovu zhizn dana [Only the word is given life]. Moscow, 1990.

5. Gippius Z.N. My moon friend. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/gippius-moj-lunnyj-drug.htm> (In Rus.)
6. Goncharov P.A. “But I’m scared: you will change your appearance”: The motive of substitution in A. Blok’s poem “The Twelve”. *Literature at School*. 2022. No. 4. Pp. 48–59. (In Rus.)
7. Kuznetsova O.A. “The Last Days of the Imperial power” by A.A. Blok: Genre nature and the author’s beginning. *Russkaya literatura*. 2020. No. 4. Pp. 100–108. (In Rus.)
8. Mezhuев B. Forgotten dispute: On some possible sources of Blok’s “Scythians”. URL: <https://archipelag.ru/authors/mezhuев/?library=1919> (In Rus.)
9. Mayakovsky V.V. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected works: In 12 vols.]. Vol. 11. Moscow, 1978.
10. Novikov V.I. Alexander Blok. Moscow, 2010. URL: https://bookscafe.net/read/novikov_vladimir-aleksandr_blok-209109.html#p2 (In Rus.)
11. Rodzyanko M.V. The collapse of the empire. Leningrad, 1929. URL: <https://litbit.ru/ru/rodzyanko-mikhail/krushenie-imperii> (In Rus.)
12. Sarychev V.A. Aleksandr Blok: *Tvorchestvo zhizni* [Alexander Blok: Art of life]. Voronezh, 2004.
13. Spivak M.L. An escaped prosecutor, a missing princess and a daring lady-in-waiting: about errors in “The last days of imperial power” and notes by A.A. Blok 1917. *Russkaya literatura*. 2017. No. 3. Pp. 68–81. (In Rus.)
14. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitelstva [Verbatim records of interrogations and testimony given in 1917 at the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government]. Vols. 1–7. Moscow, Leningrad, 1924–1927.
15. Toporov V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: Selected works]. St. Petersburg, 2003.
16. Chugunova E. How Gorky saved Blok: An unpublished letter to the poet’s wife. *Russkaya zhizn*. 2008. No. 4. URL: <http://rulife.ru/old/mode/article/569/?ysclid=ld77r2dk9k713543495> (In Rus.)
17. Chukovsky K.I. Alexander Blok. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/aleksandr-blok> (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2022, принята к публикации 31.01.2023

The article was received on 15.12.2022, accepted for publication 31.01.2023

Сведения об авторе / About the author

Гончаров Петр Андреевич – доктор филологических наук; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института, Мичуринский государственный аграрный университет

Petr A. Goncharov – ScD in Philology; Professor at the Department of Social and Humanitarian disciplines, Social and Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru